

**И.А. Рябинина**

НИУ ВШЭ

### **Дипломатические отношения между Вьетнамом и монгольскими властями в 1257–1281 гг.**

В данной статье я хочу проанализировать дипломатические отношения между вьетнамским государством Дайвьет и монгольскими властями с 1257 по 1281 гг., то есть с того момента, когда монгольское командование потребовало от вьетнамского правительства пропустить через его территорию монгольские войска для нападения с юга на империю Южная Сун и до отправки из Китая во Вьетнам военного эскорта, имеющего целью установление там марионеточного правительства перешедшего на сторону Пекина «изменника» Чан Зи Ая, вслед за чем последовала серия военных акций империи Юань: вторжение в Дайвьет вооруженного китайского эскорта Чан Зи Ая в 1282 г., война с Чампой, начавшаяся в 1282 г., и длительная монголо-китайская агрессия против Вьетнама в 1285–1288 гг.

В этих взаимоотношениях позиция монголов (монголо-китайской династии Юань) с самого начала была наступательной, а вьетнамцев – оборонительной. К моменту первых контактов с Дайвьетом монгольская империя уже охватывала территорию от Карпат и Малой Азии на западе и до Японского моря на востоке, от Южной Сибири на севере до Тибета на юге. Экспансионистский порыв монголов наращивал темпы и казалось, что никто не может им противостоять.

Монголы приблизились к вьетнамской территории в 1253 г., когда их войска завоевали расположенное к северо-западу от Дайвьета государство Дали (Наньчжао): «В год *зуй-чоу* (1253), третий год правления Сянь-цзуна (Мункэ-хана. – *И.Р.*), Урянхатай вместе с Ши-цзу (Хубилаем. – *И.Р.*) умиротворил [царство] Дали. Когда Ши-цзу возвратился [на север], он оставил Урянхатай [в Юньнани], чтобы тот

---

© Рябинина И.А., 2013

завоевал ещё не покорившиеся варварские [племена] [10, т. 15, с. 4633; 9, с. 286; 1, с. 307; 5, с. 131.]

Первые контакты монголов с вьетнамцами, носившие вполне мирный характер, имели место в конце 1257 г.: «В одиннадцатой луне года *дин-сы* (1257 г.), седьмого года [правления Сянь-цзуна], войска Урянхатая были расквартированы северу от Цзяочжи (Вьетнама. – *И.Р.*)» [10, т. 15, с. 4633].

Великий хан Мункэ приказал Урянхатаю обеспечить проход монгольских войск на территорию Дайвьета с целью удара с юга по южным провинциям империи Южная Сун. Сначала монгольские власти предполагали действовать мирными методами, предъявив вьетнамцам требование пропустить монгольскую армию через территорию Дайвьета, не оказывая военного сопротивления. Для передачи этих требований Урянхатай направил в Дайвьет двух послов, но вьетнамцы их задержали: «Сначала он (Урянхатай. – *И.Р.*) направил двух послов с ультиматумом, но послы не вернулись» [10, т. 15, с. 4633].

Задержка вьетнамцами монгольских послов была использована Урянхатаем в качестве оправдания монгольского вторжения на земли Дайвьета в начале 1258 г.: «И тогда он (Урянхатай. – *И.Р.*) приказал Чэчэду<sup>1</sup> и другим полководцам, каждому во главе тысячной армии, перейти в наступление разными маршрутами» [10, т. 15, с. 4633]. Со своей стороны, руководство Дайвьета оправдывало арест послов тем, что они передали вьетнамскому «Сыну Неба» не только неприемлемые, но и оскорбительные требования монгольских властей [12, с. 27, 259, прим. 47; 1, с. 307; 5, с. 131].

В ходе борьбы за столицу Урянхатай сочетал военные методы с переговорами, направив к вьетнамцам парламентёров, ещё раз предложивших Чан Тхай Тонгу изъявить покорность, но получил твёрдый отказ. Впрочем, визит монголов в ставку вьетнамского командования не был для них бесполезным. «Парламентёры» с успехом собрали разведывательные сведения о боевом расположении вьетнамских войск и передали их Урянхатаю, который на их основе разработал план окружения и разгрома противника [12, с. 260, прим. 49; 7, с. 85; 5, с. 131; 1, с. 307]. Таким образом, шпионажем занимались не только официальные монгольские послы, но и обычные парламентёры.

После того, как в ходе кровопролитной борьбы армия интервентов заняла столицу, монголы узнали о судьбе своих официальных послов, посланных накануне вторжения к Чан Тхай Тонгу в Тахнглаунг. Там в столичной тюрьме Урянхатай обнаружил двух измученных монголов, находившихся на грани смерти, которая вскоре и наступила одного из несчастных посланников: «В [столичной] тюрьме были

найлены отправленные ранее послы, их тела были связаны расщепленным бамбуком, который врезался в самую плоть. Когда их развязали, один посол умер» [10, т. 15, с. 4634; 5, с. 132; 1, с. 308].

Урянхатай намеревался надолго закрепиться в Тханглаунге. В противоречии с традиционной монгольской практикой жестоких репрессий по отношению к сопротивляющемуся населению захваченных городов, он хотел привлечь в опустевший Тханглаунг разбежавшихся вьетнамцев. Поэтому Урянхатай отдал приказ, запрещающий монгольским войскам грабежи и террор мирных жителей. Однако, монгольские солдаты, разъярённые мужественным сопротивлением вьетнамцев и жестоким обращением с послами, не смогли сдержать оскорблённых чувств, в результате чего вьетнамская столица была сожжена и разрушена, а население уничтожено: «За это [всё население] этой столицы было вырезано» [10, т. 15, с. 4634; 5, с. 132; 1, с. 308].

Монголы недолго чувствовали себя победителями в захваченном Тханглаунге. Очень быстро интервенты стали испытывать в оставленной горожанами вьетнамской столице серьёзные продовольственные трудности. Муки голода усугублялись непривычным для них сырым и жарким климатом. Впрочем, жалобы на вьетнамский зимний климат, зафиксированные в китайских хрониках, скорее всего являются оправданием быстрого ухода монголов с территории Дайвьета<sup>2</sup>. На десятый день своего пребывания в Тханглаунге монголы покинули город и начали отступление по направлению к китайской границе: ««Юаньская армия оставалась там в течение девяти дней, но ввиду [наступающей] удушливой жары<sup>3</sup> войска были отозваны» [10, т. 15, с. 4633; 5, с. 132; 1, с. 308.]

Уже покинув вьетнамскую столицу, Урянхатай из своей походной ставки направил к Чан Тхай Тонгу новых послов всё с тем же предложением добровольно изъявить покорность. В ответ на это правитель Дайвьета приказал связать монголам руки и с позором отослать к своему командующему: «Вновь направили двух послов, призывавших Чэнь Жи Цзюна (Чан Тхай Тонга)<sup>4</sup> изъявить покорность. Когда Чэнь Жи Цзюн вернулся, и увидел, что вся столица его государства полностью разрушена, он сильно прогневался. [По его приказу] обоих послов связали и так отослали обратно» [10, т. 15, с. 4633–4634; 5, с. 132; 1, с. 308].

После этого любые мирные переговоры вьетнамцев с интервентами стали невозможными. Отрезав себе все шаги к миру, вьетнамское командование приняло решение не давать монгольскому войску возможности спокойно покинуть пределы Дайвьета. Разгром отступающего противника являлся одной из самых сильных сторон тра-

диционного вьетнамского военного искусства. Спешащих к границе монголов во главе шести вьетнамских армий преследовал сам дайвьетский правитель Чан Тхай Тонг [12, с. 28].

Нападение вьетнамцев было очень результативным и заставило монголов ускорить отступление. Труден был обратный путь интервентов, уже не смевших более грабить и терроризировать местное население, к границе. Отступавшие монголы даже получили прозвище «буддистов» за столь не свойственное им смирение и почтительное отношение к мирным жителям в северных районах Дайвьета близ китайской границы [12, с. 28; с. 260, прим 51; 3, с. 35; 6, с. 340; 1, с. 308].<sup>5</sup>

Вернувшийся в столицу Чан Тхай Тонг отправил посольство ко двору южнокитайской династии Южная Сун. Это посольство наряду с ритуальным подношением слонов сообщило правителю Южного Китая о грядущей уступке Чан Тхай Тонгом престола Дайнама его сыну и наследнику Чан Тхань Тонгу. [12, с. 24а; 7, с. 155–156; 14, с. 81]. Это был последний визит вьетнамского посольства в Южную Сун, просуществовавшую после этого ещё 17 лет [9, с. 293–297].

Население Вьетнама торжествовало победу. На радостях император Чан Тхай Тонг простил некоторых чиновников, бежавших во время наступления монголов, хотя наследный принц требовал применения по отношению к ним самых страшных видов казней [12, с. 28]. Впоследствии, после прихода к власти наследного принца, большая часть предателей и изменников была посажена в тюрьмы и составила единственную категорию заключённых, не подлежащих амнистии [12, с. 32].

Смена правителей в Дайвьете произошла весной 1258 года (24 числа 2-го месяца по лунному календарю): «[Восьмой год правления Сянь-цзуна (1258 г.)]. Весной, ... во второй луне, Чэнь Жи Цзюн (Чан Тхай-тонг. – *И.Р.*) передал царство своему старшему сыну [по имени] Гуан Бин»<sup>6</sup>. По уже установившейся традиции престарелый отец, Чан Тхай Тонг, уступил трон наследному принцу, Чан Тхань Тонгу, и удалился «на отдых» во дворец Тхай ты [12, с. 29]. На самом деле «отставной» император продолжал принимать непосредственное участие в управлении Дайвьетом, в том числе принимал монгольских послов, вёл дипломатическую переписку с моголами, которые воспринимали именно его в качестве реально действующего правителя.

Вскоре после смены правителей на вьетнамском престоле Хубилай направил в Тханглаунг своего посланника Наруддина<sup>7</sup>, изложившего правителю Дайвьета, которым монголы считали Чан Тхай Тонга, монгольские претензии и требование лично явиться ко двору императора Юань в следующем послании: «Прежде я направил послов для

установления дружественных отношений. Вы арестовали их, и они не вернулись. Именно поэтому мы и начали в прошлом году военные действия. Поскольку властителю твоего государства пришлось скитаться в захолустье, я ещё раз приказал двум послам успокоить и вернуть его в своё царство. А ты вновь связал и вернул моих послов. Ныне посылаю чрезвычайного посланца, дабы наставить и вразумить тебя. Если все вы искренне покоритесь мне, то пусть властитель твоего государства лично прибудет [ко мне]. Если же вы не исправитесь, то ясно дайте мне знать об этом» [10, т. 15, с. 4634].

Вьетнамские власти решили через Наруддина выяснить, какой именно дипломатический ритуал и, соответственно, тип взаимоотношений хочет установить Хубилай с Дайвьетом: «Гуан Бин (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) ответил так: „Если моё маленькое царство будет искренне служить высшему, то как ваше великое царство будет обращаться с ним?“» [10, т. 15, с. 4634]. Нуруддин доложил о вопросах, заданных от имени Чан Тхай Тонга, монгольским властям. Урянхатай вновь направил Нуруддина в Дайвьет с разрешением вьетнамцам приехать в ставку Хубилая. При этом монгольские власти были уверены в исполнении вьетнамцами приказа монгольского правителя, предупредив военное руководство Юньнани, через которую, по замыслу Хубилая, должен был следовать Чан Тхань Тонг, об ожидающемся проезде через эту провинцию вьетнамского посольства: «В это время [армия] вана Бухуа охраняла Юньнань, Урянхатай известил вана, и снова направил Нуруддина [в Аньнань] с указанием, что Гуан Бину (Чан Тхай Тонгу. – *И.Р.*) разрешается отправить посольство, которое вместе [Нуруддином] может прибыть ко двору [хана]» [10, т. 15, с. 4634].

Дальнейшие высказывания правителя Дайвьета официальная китайская и вьетнамская хроника излагают по-разному. Составители «Истории [династии] Юань» полагают, что правитель Дайвьета частично повиновался приказу Хубилая, согласившись прислать своих родственников в качестве заложников: «И тогда Гуан Бин (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) покорился и сказал: „Дождусь ниспослания благого указа и сразу пришлю своих родственников в качестве заложников“» [10, т. 15, с. 4634]. Эту важнейшую новость военный управляющий Юньнанью приказал юаньскому послу в Дайвьет срочно доставить в ставку Хубилая: «Ван [Бухуа] велел Нуруддину мчаться по почтовому яму с докладом к [хану]» [10, т. 15, с. 4634].

Вьетнамская хроника «Дай Вьет ши ки тоан тхы» по иному освещает эти события: «[1258] Мау-нго, восьмой год [правления под девизом Нгуен-фонг]. Отправлены послы для установления добрососедских отношений с домом Сун. Отправлены к Юаням Ле Фу Чан и

Тю Бак Лам. В то время приезжали юаньские послы, которые бес­системно и без всякой определённости требовали ежегодных де­нежных выплат (歲幣) и увеличения [размера] дани (職貢). И тогда император приказал Ле Фу Чану отправиться [к монголам], а Тю Бак Ламу содействовать ему. В конце концов договорились о подноше­нии дани один раз в три года, считая это неизменным правилом» [3, с. 35; 6, 340].

Вьетнамское правительство в полной мере использовало смену монархов в своей стране для установления дипломатических отно­шений с монгольским правительством. Осознавая силу монголов и слабость династии Южная Сун, и понимая необходимость налажи­вания традиционных «добрососедских» отношений с монголами, как с реальными правителями Китая, оно было готово в известном смысле совершить «предательство» по отношению в прежнему сю­зерену и признать в качестве повелителя Срединной империи дина­стию Юань. Смена правителей в Дайвьете для такой дипломатиче­ской переориентации был очень удобна, хотя официальные кон­такты с монголами от имени Вьетнама вёл всё тот же Чан Тхай Тонг, который ранее постоянно общался с династией Южная Сун.

В определённой мере правительство Дайвьета было готово пойти навстречу требованиям своего недавнего противника. Однако, после разгрома монгольской интервенции в начале 1258 г. вьетнамские власти соглашались идти лишь на минимальные уступки.

В ответ на приезд Наруддина Чан Тхай Тонг направил в том же 1258 г. посольство к Хубилаю. Поскольку у Тханглаунга не было непосредственных связей со ставкой правителя по традиционным посольским путям, которые проходили по территории государства Южная Сун, все первоначальные контакты с монгольскими властя­ми велись через «иноэтнические» провинции Юго-Западного Китая, находящиеся в ведении монгольского командующего войсками юга империи Юань военачальника Урянхатая: «Гуан Бин (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) послал зятя вместе с другими людьми своего царства доставить местные дары на аудиенцию ко двору [монгольского ха­на]. Урянхатай проводил их в походную ставку [великого хана]» [10, т. 1, с. 50–51]. Вьетнамские источники дают возможность заключить, что этим зятем являлся один из самых решительных противников монголов Ле Фу Чан<sup>8</sup>.

Отправка во главе первой дипломатической миссии в ставку монгольского правителя зятя Чан Тхай Тонга свидетельствовала о том, что этому посольству придавалось большое значение, так как его возглавлял ближайший свойственник правителя. В то же время

назначение главой посольства сторонника активного противодействия захватчикам родовитого Ле Фу Чана говорило о нежелании правительства Дайвьета идти на значительные уступки монголам.

В ответ на переданное через Наруддина обращённое к Чан Тхай Тонгу требование лично явиться в ставку Хубилая, правительство Дайвьета дипломатично смолчало и тем самым отказалось от отправки своего «отставного императора» к монголам, соглашаясь при этом установить с ними «добрососедские отношения». На требование отправки ближайших родственников в заложники вьетнамский правитель недвусмысленно упрекнул Хубилая: «Разве прекрасные слова о подчинении могут сочетаться с посылкой в заложники сыновей и младших братьев?» [1, с. 308–309].

В отличие от прежних правителей Китая монгольские власти требовали регулярной ежегодной посылки и увеличения номенклатуры «дани». Вопрос о «дани» был предметом длительной дискуссии при вьетнамском дворе. Хотя монголы, как уже отмечалось, требовали отправки в ставку правителя дипломатических миссий каждый год, причём требовали «дань» в увеличенных размерах, вьетнамское правительство настояло на ограничении традиционным трёхгодичным интервалом и на прежней номенклатуре «даров», которые они посылали в столицу династии Южная Сун [3, с. 35; 6, с. 340; 12, с. 29; 5, с. 138; 8, с. 26].

Таким образом, вьетнамские власти согласились формально признать номинальную власть новых правителей Китая, но не желали усиливать свою зависимость от монгольских «сюзеренов». Об этом свидетельствует хотя бы то, что все активные деятели антимонгольского сопротивления сохранили при новом правителе Дайвьета свои прежние посты [12, с. 31].

Монголы вынуждены были смириться с позицией Дайвьета, «отставной правитель» которого не явился в ставку Хубилая и отказался посылать к нему ежегодные посольства. Они не предприняли никаких репрессивных акций против Чанов. Возможно, это было связано с тем, что после смерти в августе 1259 года хана Мункэ между его братьями началась жестокая борьба за власть. Состоялись два Великих курултая. На первом, созванном в мае 1260 г. в Кайпине, Хубилай провозгласил себя великим ханом. В связи с тем, что этот курултай состоялся вне пределов Великой Степи, младший брат Хубилая, Ариг-Буга, посчитал его незаконным и через месяц созвал в Каракоруме свой курултай, на котором в присутствии старшей жены умершего правителя, царевичей, нойонов ханского рода, влиятельных сановников и послов, именно он был объявлен новым великим ханом [2, с. 34–36].

После этого двойного провозглашения монгольских ханов началась четырёхлетняя война между двумя соперниками, которая закончилась лишь с пленением Ариг-буги в 1264 г. Во время этой войны единая империя Чингизидов распалась и западные улусы превратились в самостоятельные государства. Под властью Хубилая остались лишь Северный Китай и Монголия [9, с. 293; 2, с. 36–37].

В этот период Хубилай прекратил наступление на южные районы Китая и на Дайвьет. У государств Южная Сун и Дайвьет наступила мирная передышка. Поначалу монгольское правительство шло на уступки вьетнамцам, практически отказавшись в 1261 г., несмотря на пафосную риторику, от вмешательства в политическую, социальную и культурную жизнь Дайвьета: «Первый год правления Ши-цзу (Хубилай-хана. – *И.Р.*) под девизом Чжун-тун. В одиннадцатой луне (10.I.–7.II.1261. – *И.Р.*) Мэн Цзя, назначенный *либу ланчжунюм*<sup>9</sup> с полномочиями посла, доводящего [высочайшие] указания до южных [стран], и Ли Вэньцзюнь, получивший должность *либу юаньвайлана*<sup>10</sup> с полномочиями помощника посла, с указом отправились вразумить [правителя] Аньнана. Этот [указ] в целом гласил: „Ратными подвигами [Наши] предки основали дело [династии], а гражданское [управление], исходящее из воспитующего влияния [императора], пока не создано. Мы же, унаследовав великое дело, утверждаем новое и отвергаем старое, всеми силами объединяем десять тысяч стран света. И тут [Наш] подданный [по имени] Нечжимодин<sup>11</sup> умиротворяющий царство Дали, по почтовому тракту поспешил довести до [Нашего] сведения, что твоё царство со всей искренностью обратилось к долгу... [Мы] издаём настоящий высочайший указ для наставления служилых и простолюдинов твоего царства. Во всём – одеяниях и головных уборах, законах и церемониях, нравах и обычаях, – полностью придерживайтесь древних установлений данной страны. Уже разослано и письменное запрещение пограничным военачальникам самовольно начинать военные действия, не тревожить границы твоей страны и не сеять смуту среди твоего народа. Пусть все служилые и простолюдины вашей, сударь, страны, как и прежде, пребывают в мире и спокойствии“»<sup>12</sup> [10, т. 15, с. 4634].

Таким образом, в 1261 г. Хубилай гарантировал Дайвьету невмешательство во внутренние дела, самостоятельность внутренней политики и неприменение вооружённой силы пограничными китайскими военачальниками. В том же послании Хубилай мягко склонял Чан Тхай Тонга отправить своих детей в качестве заложников в Пекин, обещая им безопасность, заботливое и гуманное обращение: «А ещё Мэн Цзя и иже с ним была дана инструкция, что если Цзяочжи

(Вьетнам. – *И.Р.*) намеревается направить своих отпрысков на аудиенцию к (пекинскому. – *И.Р.*) двору, то необходимо бережно обходиться с ними, не следует подвергать их [воздействию] слишком сильной жары или холода, [оберегать] их от переутомления и усталости» [10, т. 15, с. 4634]. Компромисс во взаимоотношениях вьетнамского правительства и Пекина в 1261 г. был найден следующим образом: Чан Тхай Тонг отправил в качестве послов своих родственников, которые, хотя и не являлись заложниками, но демонстрировали доверие Тханглаунга к Хубилаю, взамен чего Юани закрепили за Вьетнамом право присылать посольство всего лишь раз в три года, а за правителем Дайвьета – традиционный титул Аньнань гована: «Во втором году [правления Ши-цзу] (1261) Мэн Цзя и иже с ним возвратились. А Гуан Бин (Чан Тхань Тонг) отправил своих родственников: *туниши дайфу* Чэн Фэн Гуна (陳奉公), *юаньвайлана чжувэйцзи* Жуань Чэня (阮琛), *юаньвайлана* Жуань Яня (阮演), в [ханскую] столицу с посланием, в котором просил разрешения подносить дань один раз в три года. Император согласился на его просьбу, и пожаловал Чэнь Гуан Бину (Чан Тхай Тонгу. – *И.Р.*) титул *Аньнань гована* (安南國王, *вьет.* – Аннам куок вьонга)» [10, т. 15, с. 4635; 12, с. 31–32; 1, с. 309].

Поддерживая добрососедские отношения с монгольским правительством, вьетнамцы не обольщались надеждами на «вечный мир». Обмениваясь посольствами и принимая заверения Хубилая в добрых намерениях, власти Дайвьета проводили военные учения и готовились к войне. В связи с этим в 1262 году они активно тренировали войска на реке Батъхак, где в январе 1258 году дайвьетская армия проиграла битву и понесла тяжёлые потери [12, с. 32; 27, 260, прим. 49; 7, с. 85].

В дипломатической сфере продолжалась прежняя игра: монголы требовали регулярных посольств, раз в три года хотя бы формально изъявлявших «покорность» и приносивших «дань» Хубилаю, а вьетнамцы без настойчивых напоминаний не торопились выполнять уже принятые на себя обязательства. Поэтому монголы сами прибегали к задабриваниям своего «вассала», посылая в Тханглаунг «скромные» дары. В ответ они надеялись получить из Дайвьета специалистов (учёных, врачей, гадателей, искусных ремесленников), драгоценные металлы, диковинные предметы, водившиеся только на юге: «В третьем году [правления Ши-цзу] (1262), в девятой луне, даровано [Чэнь Гуан Бину – Чан Тхай Тонгу] три штуки западного шёлка и шесть [штук] шитой золотом парчи. Издан новый указ, гласивший следующее: „Сударь, поскольку вы уже признали себя [Нашим] подданным, вы можете начиная с четвёртого года [Нашего правления

под девизом] Чжунтун (1263) один раз в три года приносить дань. [Вы могли бы также] отбирать из учёных мужей (儒士), врачей, а также из людей, сведущих в учении инь-ян и гадании (陰陽卜筮), а также мастеров всевозможных ремёсел (諸色人匠), из каждой [категории] по три человека [и присылать к Нам]. Что же касается стиракового масла (蘇合油), ароматических смол (光香), золота, серебра, киновари, алоэ, сандала, рога носорога, панциря черепахи, жемчуга, слоновой кости, хлопка, изделий из белого фосфора и других даров, то всё это следует преподносить вместе» [10, т. 15, с. 4634–4635].

Монгольское посольство, состоящее из 10 человек, возглавляемых мусульманином Махмудом, в начале 1263 года прибыло в Тханглаунг и в ультимативной форме потребовало немедленной отправки вьетнамского посольства к Хубилаю. Власти Дайвьета вынуждены были согласиться, и к монголам поехала «ответная» миссия с тремя «поздравительными» посланиями [12, с. 33, 261, прим. 61; 14, с. 88].

Самым опасным для вьетнамцев было требование Хубилая принять в Тханглаунге монгольского чиновника, уже известного им Нуруддина, на учреждённую монголами для «вассальных» государств должность *даругачи*, в функции которого входил контроль над вьетнамской администрацией: «На должность *даругачи*<sup>13</sup> по-прежнему был назначен Нуруддин (訥刺丁), с [металлической] биркой в виде тигра (знак военачальника. – *И.Р.*) на поясе он приезжал в Аньнань» [10, т. 15, с. 4635].

Понимая необходимость идти на определённые уступки монголам, в Тханглаунге готовы были принять *даругачи* Нуруддина, которого в Дайвьете неплохо знали. Однако реальной власти и контроля за местной вьетнамской администрацией в Тханглаунге ему, судя по всему, предоставлять не собирались. Фактически Нуруддин выполнял в Тханглаунге функции постоянного посла монголов, да и времени в Дайвьете Нуруддин провёл немного. Первый раз он приехал в Дайвьет в 1262 году, но в начале 1264 года уже вернулся в Китай. После этого Нуруддин появился в Тханглаунге только в 1266 г. [10, т. 15, с. 4635; 12, с. 30; 14, с. 90]. Таким образом, Нуруддин отсутствовал в Дайвьете в течение значительной части срока своего пребывания на должности *даругачи* в этой стране. Кроме того, по всей видимости, вьетнамские власти подкупили Нуруддина, о чём свидетельствуют, во-первых, подозрения монголов о его сговоре с вьетнамцами, во-вторых, просьба вьетнамских властей о продлении срока пребывания Нуруддина в Дайвьете [14, с. 92, примеч. 1].

Вьетнамское правительство готово было принять те условия монголов, которые не вредили реальному суверенитету и самостоятельному управлению государством, но были очень чувствительны ко

всему тому, что хоть в какой-либо мере ослабляло силу и мощь Дайвьета. Так, они готовы были поставлять монголам в качестве «дани» или «дара» местные ценные и экзотические предметы и даже временно держать у себя на должности *даругачи* полуприкормленного Нураддина, но не хотели допускать «утечки мозгов» и квалифицированных кадров ремесленников. Эти условия «соглашения» вьетнамцев с монголами были названы «три прошения». Власти Дайвьета стремились всячески затягивать отправку этого посольства к Хубилаю, и правитель монголов должен был напоминать Тханглаунгу об этой «почётной» обязанности.

В связи с этим в начале 1266 года в Дайвьет приехал монгольский посол, напомнивший о наступлении срока отправки в Пекин, где с 1264 года находилась великоханская ставка [4, с. 388], вьетнамской дипломатической миссии с «дарами» и изъявлением традиционной формальной покорности. При этом монголы вновь потребовали приезда к Хубилаю самого Чан Тхай Тонга [12, с. 261, прим. 69]. И вновь это настоятельное требование было оставлено без всякого удовлетворения и к монголам поехало обычное посольство «с данью» [12, с. 35].

В том же 1266 г., моряки вьетнамского морского флота, патрулировавшего северо-восточное побережье Дайвьета, залив Бакбо и южное побережье Китая, получили у местных жителей на границе с Гуанси информацию о том, что монгольская армия готовится напасть на южносунское государство [12, с. 35]. И действительно, монголы возобновили военные действия против Южной Сун в 1267 году, потратив восемь лет на окончательный разгром этой китайской династии. Лишь в 1275 году Южная Сун прекратила своё существование [9, с. 293–297].

В том же 1267 г., возобновив войну с Южной Сун, монголы ужесточили свои требования в Дайвьету, который, напротив, надеялся на смягчение режима взаимоотношений с династией Юань. Позиция Дайвьета была изложена в прошении вьетнамского посольства оставить прежний объём и номенклатуру «местных даров», а также *даругачи* Нураддина на его прежней должности в Тханглаунге. В то же время власти Дайвьета просили Хубилая освободить их от обязанности посылать в Пекин учёных и ремесленников: «В третьем году [правления Ши-цзу под девизом Чжиюань], в двенадцатой луне (01.I–02.II.1267. – *И.Р.*), Гуан Бин (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) направил Ян Ань Яна (楊安養, *вьет.* Зыонг Ан Зыонга) доставить доклад трону [Юаней] с изложением трёх [просений]. Первое из них, это [разрешение] преподнести местные дары; второе – об освобождении

от обязанности [направлять ко двору Юаней] учёных людей и ремесленников; третье из них было пожеланием разрешить Нуруддину (訥剌丁) постоянно исполнять [должность] *даругачи* данной страны (Аннама)» [10, т. 15, с. 4635]. Это были «три прошения», выполнение которых должно было гарантировать соблюдение интересов Дайвьета в двусторонних монголо-китайских взаимоотношениях с Юанями.

Поначалу китайские власти согласились с «тремя прошениями» Тханглаунга, что было зафиксировано вернувшимся в Дайвьет послом Зьонг Ан Зьонгом, которого Хубилай наделил богатыми подарками для передачи Чан Тхай Тонгу: «В третьем году [правления под девизом Чжиюань], в девятой луне (27.IX–25.X.1267. – *И.Р.*), посол вернулся, в изданном в ответ высочайшем указе давалось согласие на все эти [прошения]. [Монголы] снова даровали Гуан Бину (Чан Тхай Тонгу. – *И.Р.*) украшенный яшмой пояс, золото и шелка, лечебные снадобья, седло и поводья, прочие [подарки]» [10, т. 15, с. 4635].

Однако вскоре, по некоторым китайским источникам, буквально через два дня после того, как Хубилай одобрил «три прошения», представленные Зьонг Ан Зьонгом, позиция монгольского правительства резко изменилась: «Но вскоре [Юани] снова издали указ, предписывающий [выполнение] шести пунктов (六事): согласно первому, правитель с высшими сановниками должен лично являться ко двору; по второму – младшие родичи [правителя] прибывают ко двору как заложники; по третьему пункту, провести перепись численности населения; согласно четвёртому – [Аньнань должен] исполнять воинскую повинность; пятый [пункт] – [Аньнань] уплачивает налоги и подати; шестой – продолжается назначение [на должность] *дуругачи* [Аньнаня] для поддержания порядка там» [10, т. 15, с. 4635; 14, с. 93–94].

Эти «шесть пунктов» составленные аппаратом Хубилая сразу же после милостивого одобрения «трёх прошений» (вполне благоприятных для вьетнамского правительства), в своей совокупности были совершенно неприемлемы для независимой страны.

Даже присутствие *даругачи* в Дайвьете требовало, с точки зрения вьетнамского правительства, согласования кандидатуры монгольского «контролёра» с властями Тахнглаунга. От личной поездки правителя и направления его ближайших родственников в качестве заложников в монгольскую столицу власти Дайвьета всеми силами «отбивались» уже в течение восьми лет. «Проведение переписи населения» означало предоставление монголам списков налогоплательщиков, «тягловых», военнообязанных и лиц, несущих трудовую повинность. Из этого логично вытекали служба военнообязанных в

монгольской армии, уплата налогов и податей в монгольскую казну, а также исполнение трудовых повинностей в пользу монгольского государства. После исполнения требований по всем этим «шести пунктам» суверенитет и самостоятельность вьетнамского государства превращались в пустышку: Дайвьет превращался в одну из провинций Великой монгольской империи. На это вьетнамские власти пойти не могли, поэтому отказ Пекина отойти от «шести пунктов» означал войну. Не делая официальных заявлений по поводу монгольских притязаний, вьетнамские власти начали готовиться к войне. Прежде всего, правитель попытался заручиться поддержкой родовой знати. Поэтому в 1 месяце 1268 года император Чан Тхань Тонг обратился с воинственной речью к своим ближайшим родственникам, называя государство Дайвьет общим достоянием живых и умерших представителей рода Чан [12, с. 37].

Вьетнамские власти делали всё возможное, чтобы не допустить передвижения по территории Дайвьета *даругачи* Нуруддина, который мог собрать и отправить в Пекин сведения разведывательного характера [14, с. 91]. Были также пресечены контакты уйгуров с монгольскими послами и Нуруддином, так как вьетнамские власти боялись передачи исламскими купцами, имевшими возможность в торговых целях ездить по территории Дайвьета, шпионской информации монголам-дипломатам и *даругачи*. В связи с этим уйгуры, общавшиеся с Нуруддином, были задержаны вьетнамцами [14, с. 91].

Арест мусульман-уйгуров вызвало резкое недовольство Пекина и великий хан издал указ, в котором упрекал Чан Тхань Тонга в лицемерии: называя Хубилая отцом, а себя – сыном, правитель Дайвьета действовал в явном нарушении близких «родственных отношений» [14, с. 91].

Не обращая внимания на указы из Пекина, вьетнамские власти продолжали действовать в соответствии с собственными представлениями о безопасности своей территории. Чтобы не дать Нуруддину возможности заниматься разведывательной деятельностью, правительство Дайвьета подкупило не только *даругачи*, но и других чиновников-мусульман в Юньнани. После этого *даругачи* уже не пытались реально оказывать влияние на управление Дайвьетом. Это вызвало недоверие к *даругачи* со стороны монгольских властей и они стали подозревать Нуруддина в сговоре с вьетнамцами. Вьетнамцы же, как уже отмечалось, просили Хубилая продлить срок пребывания Нуруддина на должности *даругачи* в Дайвьете [14, с. 91–92].

В конце 1267 г. Хубилай грозно потребовал от Чан Тхай Тонга прислать задержанных в Дайвьете купцов-уйгуров к монгольскому

двору в Пекине. Эти торговцы, якобы, требовались монгольским властям в связи с тем, что они хорошо знали обстановку в Центральной (Средней) и Западной Азии. Вьетнамцы поняли, что их обманывают, так как к 1267 г. Центральная (Средняя) и Западная Азия уже давно находились под властью монголов, да и уйгуры, знакомые с обстановкой в указанных регионах, жили не только в Дайвьете. Во многих районах, входивших в состав монгольской империи, уйгуров было значительно больше, чем во Вьетнаме. Властям Дайвьета было совершенно очевидно, что уйгуры из Дайвьета затребованы Пекином для получения разведывательной информации, поэтому Чан Тхай Тонг не ответил на это требование монголов [14, с. 95].

Приблизительно в то же время, в конце 1267 г., напряжённость в пограничной зоне между Дайвьетом и империей Юань крайне обострилась: Хубилай наделил своего родного сына Хугечи титулом «вана Юньнани», приказав ему расквартировать войска в этой провинции, сопредельной с территорией Дайвьета. Армия Хугечи должна была подчинять власти монголов малочисленные народы Юньнани и в то же время, демонстрируя силу, оказывать давление на Дайвьет [14, с. 95; 1, с. 309]. Со своей стороны, вьетнамцы ещё в начале 1267 г. привели в боевую готовность войска, сформировав подразделения, командовать которыми были назначены хорошо знающие воинское искусство члены рода правителя [14, с. 96]. Однако на этот раз до военных столкновений дело не дошло. Китайцам ещё нужно было окончательно разгромить Южную Сун, а вьетнамские власти побоялись инициировать военные действия и приняли решение максимально оттягивать столкновение с монголами.

В 1269 году в Дайвьет приехал новый чиновник, Хурунхайя, который, как уже давно решили власти в Пекине, должен был сменить Нуруддина на посту *даругачи*. Хурунхайя привёз с собой официальное письмо от Хубилая, который требовал срочной отправки в Пекин уйгурских купцов. Чан Тхай Тонг не внял этим требованиям и в начале 1270 г. вместо уйгуров послал Хубилаю сообщение о том, что один из узников умер уже давно, а второй – недавно от болезни [14, с. 96–97]. Скорее всего, эти мусульманские торговцы умерли не своей смертью, а были убиты, так как вьетнамцы не хотели предоставлять монголам ценные источники информации.

В том же послании Чан Тхай Тонг не только обходил молчанием вопрос об отправке в Пекин «ремесленников и учёных», но и просил разрешения отсрочить поставку требуемых Хубилаем в качестве дани слонов. По-видимому, правитель Дайвьета опасался того, что эти животные могут быть использованы монголами в военных целях.

При этом он ссылаясь на то, что большие слоны ходят медленно и их трудно доставить в Пекин в требуемые ханом сроки. Хубилай настаивал и в 1271 г. вновь направил посла с напоминанием о слонах. Чан Тхань Тонг в 1272 г. прислал ответ, в котором почти что в насмешку оправдывал задержку со слонами тем, что погонщики не хотят покидать свои дома. Вину же за промедление с отправкой в Пекин «ремесленников и учёных», Чан Тхань Тонг свалил на своих послов, которые, якобы, «ослепленные величием» Хубилая, от растерянности не расслышали данного им приказа [14, с. 97]. Сам правитель вёл себя с монгольскими послами достаточно высокомерно и никогда им не кланялся, принимая послания от Хубилая, хотя ему неоднократно напоминали о положенном ритуале [14, с. 98–99].

В 1271 г. все владения великого хана в Китае и Монголии были объявлены по китайскому образцу империей, получившей наименование Юань. В огромном государстве, растянувшемся от западных границ Монголии до Японского моря, от Южной Сибири до Юго-Восточной Азии, было три столицы: Пекин (Даду), Каракорум и Шанду (Ханбалчасун, позднее – Кайпин). Господство империи Юань основывалось на мощи армии, основной силой которой оставались монгольские войска, не претерпевшие каких-либо существенных структурных изменений со времён Чингиз-хана. В начале своего существования империя Юань оставалась государством сильным и агрессивным, ставившим одной из основных своих целей превращение номинального «вассалитета» окружающих её соседей в реальную зависимость, а в некоторых случаях, и в полное подчинение [4, с. 388–389].

В 1271 году вьетнамские власти смягчили своё отношение к тем преступникам, которые были осуждены за сотрудничество с монголами во время вторжения 1257–1258 гг. Теперь, при проверке правителем списков заключённых на предмет проведения амнистии, уже специально не оговаривалось, что «на лиц, „сдавшихся“ монголам, амнистия не распространяется» [12, с. 38]. Перестав считать сотрудничество с монголами особо опасным преступлением, власти Дайвьета продемонстрировали готовность несколько пересмотреть (правда, в строго определённых пределах) своё отношение к монгольским завоевателям. Возможно, они ждали ответных благожелательных акций со стороны Пекина. Однако, не дождались. Напротив, в 1272 г. юаньские власти сделали ещё один шаг к превращению номинального «вассалитета» Дайвьета в реальную зависимость: они направили во Вьетнам монгольского посланника с целью поиска памятных бронзовых столбов, установленных китайским полководцем

Ма Юанем в 44 г. н.э. в самой южной точке вьетнамской территории, которой достигли ханьские войска после подавления восстания сестёр Чынг<sup>14</sup>. Монгольский посланник выехал в Центральный Вьетнам в сопровождении вьетнамского чиновника, но их совместные поиски результата не дали: бронзовые столбы Ма Юаня, якобы установленные в том месте, куда на юге Вьетнама дошла китайская армия в середине I в. н.э., так и не были найдены<sup>15</sup> [12, с. 39]. Неудача совместной монгольско-вьетнамской «поисковой экспедиции» в Центральный Вьетнам в определённой мере ставила под сомнение права монголов, как преемников империи Хань, на вьетнамские земли. Во всяком случае, такая идея вполне могла быть взята на вооружение вьетнамскими властями.

Стараясь не раздражать монголов, вьетнамцы шли им на мелкие уступки: в середине 1272 года в Пекин был отправлен мальчик До Да Мок [12, с. 39], очевидно, обладавший уникальными способностями. Однако в важных вопросах власти Дайвьета всегда стояли на страже интересов собственной страны. С 1273 по 1275 гг. пост *даругачи* занимал китаец Ли Юань [1, с. 309]. Он оказывал минимальное влияние на политику правительства Дайвьета. Об этом свидетельствует тот факт, что в 10 месяце 1274 года вьетнамские власти приняли 30 китайских кораблей, которые привезли в страну иммигрантов, подданных государства Южная Сун, не желавших оставаться в Китае под управлением династии Юань. Им было разрешено жить и торговать во вьетнамской столице. Чтобы не вызывать конфликта с монголами вьетнамские власти выдавали китайских иммигрантов из Южной Сун за мусульман [12, с. 40]. *Даругачи* Ли Юань не сумел или не захотел раскрыть этот обман. Очевидно, между монгольским чиновником и вьетнамскими властями был установлен своего рода компромисс относительно формального присутствия пекинского уполномоченного во вьетнамской столице и его невмешательства в дела Дайвьета.

Однако даже такое формальное присутствие монгольского «уполномоченного» в Тханглаунге было в тягость властям Дайвьета. Поэтому в 1275 году Чан Тхань Тонг направил в Пекин посольство с настоятельной просьбой убрать *даругачи* из вьетнамской столицы: «В двенадцатом году [правления Ши-цзу под девизом Чжиюань], в первой луне (05.II–05.III.1275. – *И.Р.*), Гуан Бин (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) представил доклад трону с прошением отменить [назначение на должность] *даругачи* для данной страны» [10, т. 15, с. 4637; 1, с. 309].

Это прошение вызвало ярость Пекина. Хубилай не только не пожелал удовлетворить просьбу вьетнамцев, но сменил в Тханглаунге

*даругачи*, стал настаивать на исполнении одиозных для Дайвьета «шести пунктов», в особенности – на отправке в Пекин знатных заложников: «Во второй луне (06.III–04.IV.1275. – *И.Р.*), вновь издан [высочайший] указ, в котором объявлялось, что все доставляемые в качестве дани предметы [совершенно] бесполезны, [вновь] давалось предписание относительно [выполнения] шести пунктов, а также [сообщалось] о назначении Хэсаэрхайя<sup>16</sup> на должность *даругачи*, и вновь отдавался приказ младшим родичам [Гуан Бина] прибыть для службы ко двору» [10, т. 15, с. 4638; 1, с. 309].

Это резко обострило взаимоотношения Пекина и Тханглаунга. Обстановка накалялась. В конце 1275 года вьетнамские военачальники, командующие войсками на северной границе, передали в Тханглаунг по скоростной почте сообщение о том, что монголы тщательно изучают местность в соседних с Дайвьетом китайских провинциях. Для выяснения обстановки и намерений Юаней в отношении Дайвьета в приграничные китайские провинции в начале 1276 года под предлогом закупки лекарств был послан вьетнамский агент [12, с. 40].

Монгольские власти явно искали повода для обострения конфликта и использовали любой предлог для того, чтобы вменить вьетнамцам вину за неуважение к авторитету первого императора династии Юань: «В тринадцатом году [правления под девизом Чжюань], во второй луне (23.II–23.III.1276. – *И.Р.*), Гуан Бин (Чан Тхай Тонг) направил Ли Кэфу (*вьет.* Ле Кхак Фук. – *И.Р.*) и Вэнцзя (文粹, *вьет.* Ван Туи. – *И.Р.*)<sup>17</sup> уплатить дань. Но поскольку те, кто везли доклад трону, прибыли для выплаты дани в Шаньчань (鄯蘭)<sup>18</sup>, случай был квалифицирован как проявление неуважения» [10, т. 15, с. 4638].

Вьетнамские власти быстро извинились за «неуважение», но вновь попросили избавить их страну от превращения в часть империи Юань: «И тогда был представлен [новый] доклад трону, в котором были принесены извинения, а также содержалось прошение об освобождении от шести пунктов» [10, т. 15, с. 4638].

В ответ Хубилай прислал посла, потребовавшего реального исполнения условий «шести пунктов»: «[1276] Бинь-ти, четвёртый год [правления под девизом Бао-фу]. Второй год [правления под девизом] Дэ-ю дома Сун. После пятого месяца – первый год [правления под девизом] Цзин-янь императора Дуань-цзуна дома Сун. Тринадцатый год [правления под девизом] Чжи-юань дома Юань. Летом, в четвёртой луне, юаньский [император] Ши-цзу умиротворил [районы] к югу от Янцзы (Цзяннань). И прислал к нам Хоп Тан Ни Хай Ня (合散兒海牙) с предписанием относительно управления народом, военной

помощи и прочего всего, что следовало из «шести пунктов» [3, с. 49; 6, с. 349].

Реакция правительства Дайвьета была предсказуемой: «Император ни к чему не прислушался» [3, с. 49; 6, с. 349]. Вьетнамские власти никак не могли согласиться на требования Пекина «присылки вьетнамских войск для участия в монгольских завоевательных походах» [12, с. 41, 1, с. 309].

Более того, на притязания Пекина правитель Дайвьета ответил демонстрацией военной мощи. Во 2 месяце 1277 года Чан Тхай Тонг лично возглавил поход против лаосских горцев и взял в плен около 1000 человек [12, с. 41].

В 4 месяце 1277 года в Дайвьете умер правитель-наставник Чан Тхай Тонг, проводивший свои последние дни во дворце Тхай ты. В течение полугода страной единолично управлял Чан Тхай Тонг. Однако, уже в 10 месяце 1278 г. он передал трон своему старшему сыну, Чан Нянь Тонгу, а сам, как и его отец, перешёл на положение «страхующего» правителя [12, с. 44].

Воспользовавшись смертью Чан Тхай Тонга, вьетнамцы попытались в 1277 г. наладить отношения с Пекином, направив к Хубилаю посольство, сообщаящее о смерти старого правителя: «В четырнадцатом году [правления под девизом Чжиюань] (1277) Гуан Бин (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) скончался<sup>19</sup>. Люди этого царства утвердили на престоле его наследника [Чэнь] Жи Сюаня (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*)<sup>20</sup>, он направил *чжунши дафу* [по имени] Чжоу Чжун Янь и *чжунлиан дафу* [по имени] У Дэ Шао<sup>21</sup> на аудиенцию к [юаньскому] двору» [10, т. 15, с. 4638].

Однако, это посольство лишь раздражило монгольские власти. Правителю Дайвьета было вменено в вину то, что он «взошёл на трон», не получив разрешения Хубилая. В связи с этим он должен был немедленно прибыть в Пекин для получения «официального назначения»: «В пятнадцатом году [правления под девизом Чжиюань] (1278), в восьмой луне (27.VIII–25.IX. – *И.Р.*), [юани] направили [посольство в Аньнань в составе] *либу шаншу* Чай Чуня (柴椿), *хуэйтун гуаньши* Халатоина<sup>22</sup>, *гунбу ланчжун*<sup>23</sup> Ли Кэчжун (李克忠), *гунбу юаньвайлана* Дун Дуаня (董端) вместе с [возвращавшимся послом Аньнаня] Ли Кэфу (*вьет.* Ли Кхак Фуком) и иже с ним. [Послы] везли высочайший указ, предписывающий Жи Сюаню (Чан Тхай Тонгу. – *И.Р.*) прибыть ко двору, чтобы получить официальный приказ о назначении» [10, т. 15, с. 4638–4639].

Правитель Дайвьета пошёл на встречу с посланцами Хубилая и выслушал грозные предупреждения повелителя Китая: «Второго

числа двенадцатой луны (22.I.1279), Жи Сюань (Чан Тхай Тонг. – *И.Р.*) прибыл на подворье для встречи с послами. Четвёртого числа Жи Сюань почтительно ознакомился с высочайшим указом. [Чай] Чунь и иже с ним, передали [суть] мудрейшего указа такими словами: „Твоё государство покорилося нам уже более двадцати лет назад, а давние шесть пунктов всё ещё не выполняются. Если ты не явишься ко двору, тогда укрепляй твой [город] стенами, готовь твоё войско и ожидай нашу армию“. И ещё сказал: „Твой отец получил приказ стать ваном, ты же не испросил приказа на получение титула и самовольно вступил [на престол]. Если сейчас ты ещё и не явишься ко двору, то настанет день и императорский двор обвинит тебя в преступлениях, как же ты сможешь уклониться от ответственности?! Прошу обдумать это основательно“» [10, т. 15, с. 4639–4640].

Столь грубые и резкие требования личной явки вьетнамского правителя, внутри страны носившего титул императора (*хоанг де*), к китайскому императору (*хуан ди*) власти Дайвьета сочли оскорбительными. Правда, некоторая часть вьетнамских сановников была деморализована мощью монголов. Для этой группы высших чиновников характерно было поведение вьетнамского посла Ле Кхак Фука, в конце 1275 года отправленного к Юаням [12, с. 40, 45] и в течение почти трёх лет наблюдавшего за покорением монголами Южного Китая. Приехав во Вьетнам вместе с монгольским управляющим ведомством обрядов (*либу шаншу*) Чан Чунем, Ле Кхак Фук был настолько устрешён жестокими методами подчинения территории южнее Янцзы, что во время оскорбительной речи монгольского представителя, как специально отмечается во вьетнамской официальной хронике, «не возражал». По-видимому, остальные высшие сановники вьетнамского двора, в отличие от посла, очень активно возражали. Во всяком случае, в результате правитель Дайвьета не принял во внимание доводов Хубилая, сам в Пекин не поехал, а вместо себя направил к Юаням двух послов, которых разгневанные монголы задержали в Пекине, не позволив вернуться на родину. Вот как это описывается во вьетнамской официальной хронике: «Когда император [династии] Юань узнал, что Тхай-тонг усоп, он начал строить планы против нас и послал к нам *либу шаншу* Чай Чуня, то есть Чай Чжуансяна. А тем временем посол нашего царства Ле Кхак Фук возвращался домой и повстречал армию Юаней, которая умиротворяла Сунов. И тогда он отправился обратно домой по пути через Хугуан. [Чай] Чунь поехал вместе с ним. Используя в качестве довода [тот факт,] что император не испросил приказа [у юаньского императора], но самовольно утвердил себя на престоле, он стал убеждать его прибыть на аудиенцию. Но император не прислушался, он послал Чинь Динь Тоана и До

Куок Ке отправиться к Юаням. Юани же задержали Динь Тоана, не дав ему вернуться» [3, с. 53; 6, с. 352; 12, с. 44, 264, прим.78].

В ответ на этот явно недружественный демарш Хубилая правительство Дайвьета, не посчитавшее возможным снести подобное оскорбление, приказало прервать сообщение по дорогам, ведущим в Китай. Нагнетая напряжённость, Хубилай двинул войска к вьетнамской границе. Следующий шаг был за Дайвьетом.

Но тут, решив, что поторопились, и, стремясь предотвратить начало войны, вьетнамские власти отменили свой приказ и распорядились снять кордоны с путей сообщения с Китаем.

Пекинские власти сочли это проявлением слабости и в том же 1279 г. направили в Тхангланг послов, которые вновь потребовали от вьетнамского правителя лично явиться в Пекин (в случае невозможности этого – прислать вместо себя золото и жемчуг), а также направить в главную столицу Китая представителей различных категорий вьетнамского населения. В случае неповиновения Хубилай явно и недвусмысленно грозил Дайвьету военным вторжением: «[Юани] вновь направили Чай Чуня и иже с ним четверых человек вместе со [вторым аньнаньским послом] Ду Го Цзи (杜國計, *вьет.* До Куок Ке), отвезти высочайший указ, повторно предписывающий Жи Сюаню прибыть ко двору, [там говорилось:] „Если же ты действительно не можешь лично прибыть на аудиенцию, тогда собирай и пришли золото, которое заменит тебя самого, пару жемчужин взамен твоих очей. А заодно пришли достойных мужей, гадателей, сыновей и дочерей, мастеров, каждой [категории] по двое, – взамен твоего народа. В противном случае укрепляй твой [город] крепостными стенами и рвами и жди, чем кончится тогда дело“» [10, т. 15, с. 4638–4640; 1, с. 313–314].

Угрозы монголов были не беспочвенны. Весной 1277 года монгольские войска, захватив основную часть территории империи Южная Сун, совершили первый поход на территорию Пагана и разгромили бирманскую элѐфантерию (слоновую кавалерию). В конце 1277 года монголы захватили и разграбили важнейший центр бирманско-китайской караванной торговли – город Бамо. В 1278 году в ответ на монгольское посольство, направленное в Чампу, в Пекин были посланы чамские представители, изъявившие от имени своего государя формальное «согласие подчиниться». В отличие от чамского короля, правитель Камбуджадеша заключил монгольских послов под стражу. В 1279 году Хубилай потребовал от чамского короля, а также от правителя яванского государства Сингосари, лично явиться в Пекин и изъявить свою покорность династии Юань [4, с. 400].

На очереди стоял Дайвьет. Действительно, в то время, когда между Пекином и Тханглаунгом велись дипломатические переговоры о личном прибытии вьетнамского правителя в китайскую столицу, в 1279 г., во-первых, высшие монгольские сановники (Тайный совет династии Юань) предложили Хубилаю проект военного похода на Дайвьет, который монгольский правитель и его окружение не одобрили, во-вторых, был отдан приказ о строительстве военных кораблей для подготовки нападения на Вьетнам [12, с. 46–47].

В этой чрезвычайно ситуации правитель Дайвьета, Чан Нян Тонг, пошёл на очень опасный шаг, направив в 1281 г. вместо себя в Пекин своего дядю Чан Зи Ая во главе вьетнамского посольства, сопровождаемого монгольским чиновником [14, с. 111]. И это сыграло роковую роль для Дайвьета.

Разъярённый отказом Чан Нян Тонга явиться на императорскую аудиенцию в Пекин, Хубилай присвоил его дяде Чан Зи Аю титул Аньнань гована (*вьет.* Аннам говыонга) и сделал правителем Дайвьета. В своем послании Хубилай обвинял в сложившейся ситуации упорствующего и симулирующего болезнь Чан Нян Тонга, отказывающегося прибыть в Пекин. В том же 1281 г. указом Хубилая были назначены военные чиновники во главе с Буян Темуром, которым предстояло управлять «умиротворённым» Аньнанем (Дайвьетом). В начале 1282 г. был выделен эскорт в количестве тысячи солдат, которые должны были обеспечить возвращение Чан Зи Ая в Дайвьет в качестве нового правителя этого совершенно зависимого от династии Юань государства [14, с. 111–112].

Дипломатическая борьба кончилась. Между юаньским Китаем и Дайвьетом началась война, длившаяся с перерывами более шести лет.

### Примечания

<sup>1</sup> Чэчэду (徹徹都 или 齊齊克圖) – монгольский полководец, дважды упоминается в *Юань ши* [т. 10, с. 2981; т. 15, с. 4634]. Вьетнамские учёные предлагают транслитерацию Casakdu [14, с. 65].

<sup>2</sup> Дан буквальный перевод термина *юй жэ* (鬱熱), употребление которого в *Юань ши* вызывает некоторое удивление. Первый поход монгольской армии во Вьетнам пришёлся на конец января – начало февраля 1258 г. (с 24.I по 05.II), когда в Северном Вьетнаме продолжается прохладный сезон (с ноября по апрель), средняя температура в это время в районе Ханоя составляет всего +20 (в январе всего +15). С ноября по январь стоит сухая погода, и только с конца января начинает моросить мелкий дождик.

<sup>3</sup> См. примеч. 5.

<sup>4</sup> Чэнь Жи Цзюнь – Чан Кань (Чан Нят Кань, Чан Тхай-тонг, 1218–1277) – император династии Чан, правил в 1225–1258 гг.

<sup>5</sup> Русский перевод вьетнамской летописи цитируется по неопубликованной рукописи «Полного собрания Исторических записок Дай Вьета» (Т. 4. Перевод с китайского А.Л. Федорина и А.В. Никитина) с разрешения авторов [3]. Перевод вновь сверен с иероглифическим текстом по изданию: [6].

<sup>6</sup> В 1258 г. Чан Кань (Чан Тхай-тонг) действительно передал престол наследнику Чан Хоангу (陳晃, Чан Тхань-тонгу, 1240–1290, прав. в 1258–1278 гг.) [6, с. 340]. Но Гуан Бин (*вьет.* Куанг Бинь 光昺) – это новое личное («запретное», 諱) имя самого Чан Каня, введённое им специально для дипломатической переписки с монголами [7, с. 310]. Всё это привело к путанице в китайских исторических документах: Чан Куанг Биня считали наследником Чан Каня [10, т. 15, с. 4634–4638]. Эта ошибка встречается и в современных исследованиях [11, с. 579]. По примеру Чан Каня, ложные запретные имена имели все императоры династии Чан вплоть до правления Чан Нге-тонга (прав. 1370–1372) [15, с. 41].

<sup>7</sup> Имя монгольского посла в источниках записывается по-разному: 訥刺丁 (*ne la ding*) [10, т. 15, с. 4634]; 禿刺丁 (*nou la ding*), 納喇丹 (*na la dan*) [АНТЛ 1995: 47, 66; 6, с. 345]. Транслитерация «Нуруддин» (*Nur-ud-Din*) предложена вьетнамскими учёными [14, с. 83].

<sup>8</sup> Вьетнамская летопись тоже отмечает это событие в 1258 г. К монгольскому двору были отправлены вельможи Ле Фу Чан и Тю Бак Лам. Под зятем вьетнамского императора имеется в виду, скорее всего, полководец Ле Фу Чан, который за заслуги в первой монголо-вьетнамской войне получил в жёны принцессу Тиеу-тхань (1218–1278), дочь последнего императора династии Ли, которая в 1225–1237 гг. была императрицей династии Чан, женой самого Чан Тхай-тонга [6, с. 340].

<sup>9</sup> *Либу ланчжун* (禮部郎中) – в эпоху Юань глава управления в Палате церемоний.

<sup>10</sup> *Либу юаньвайлан* (禮部員外郎) – помощник главы управления в Палате церемоний.

<sup>11</sup> *Нечжимодин* (聶只陌丁 или Найчжубудань 竊珠卜丹) – в транслитерации, предлагаемой вьетнамскими учёными, Неджмуддин (*Nejm ud-Din*) [14, с. 85].

<sup>12</sup> Текст этого указа в более подробном изложении приведён у Ле Чака [АНТЛ 1995: 46], а также во вьетнамской летописи «Дай Вьет ши ки тоан тхы»: «[1261] Тан-зау, четвёртый год [правления под девизом] Тхиеу-лонг. Летом, в шестой луне, Юани прислали *ланчжуна* из Палаты церемоний [по имени] Мэн Цзя и *юаньвайлана* [по имени] Ли Вэнь Цзюнь, чтобы передать указ с наставлением. Вкратце оно гласило следующее: „Служилые и простолюдины Аньняня! Во всём – одеяниях и головных уборах, музыке и церемониях, нравах и обычаях и [вообще] во всех делах – полностью придерживайтесь древних установлений данной страны, не требуется что-либо менять. И даже для царства Гаоли (Корё. – *И.Р.*), которое недавно присылало

с севера [к нам] своих послов, уже издан указ во всём придерживаться этого правила. Кроме того дано предписание приграничным полководцам в Юньнани самовольно не прибегать к оружию, не грабить на границах и не беспокоить население. [Поэтому] в твоей стране все служилые и простолюдины как и прежде могут пребывать в мире и спокойствии<sup>14</sup>. Дан пир Мэн Цзя и иже с ним во дворце Тханьты. Тхонгтхи дайфу [по имени] Чан Фунг Конг, *тьыве кибан* [по имени] Нгуен Тхам и *виеннгоайланг* [по имени] Нгуен Зиен отправлены к Юаням с посланием для установления добрых [отношений]. Юани пожаловали императору [титул] Аньнань гована и подарили три [куска] западного шёлка и шесть [кусков] шитой золотом парчи» [3, с. 38; 6, с. 342].

<sup>13</sup> *Даругачи* (达鲁花赤) – уполномоченный монгольских властей, поставленный для контроля над деятельностью чиновников-немонголов в XIII–XIV вв.

<sup>14</sup> «И тогда [Ма Юань] установил бронзовые столбы, обозначившие [южный] предел ханьских земель» [12, с. 39].

<sup>15</sup> И действительно, эти бронзовые столбы вряд ли могли быть обнаружены монгольскими и вьетнамскими чиновниками. Один из наиболее компетентных вьетнамских учёных Дао Зюи Ань полагал, что Ма Юань не устанавливал бронзовых столбов, о чём сообщается в легенде и более поздних источниках, начиная с IV в. х.э. Дао Зюи Ань считал, что установление бронзовых пограничных столбов – отражает более позднюю историко-мифологическую традицию [13, с. 25–73].

<sup>16</sup> Хэсаэрхайя (合撒兒海牙 или 阿薩爾哈雅) – русская транслитерация этого имени вызывает определённые трудности (?Хасархая, Казаркайя, Осархая). Вьетнамские учёные предлагают чтение «Qasar Qaya» (Kazarkaya) [14, с. 85].

<sup>17</sup> Во вьетнамской летописи имя второго посла записано иначе: Ле Туи Ким (黎粹金) [3, с. 48; 6, с. 349].

<sup>18</sup> Шаньчань (鄯闡), а также Тодун (拓東) – исторические названия Куньмина в Юньнани.

<sup>19</sup> Чэнь Гуан Бин, он же Чан Кань (Чан Тхай-тонг) умер 1-го числа четвёртой луны (12.V.1277) [6, с. 350].

<sup>20</sup> Чэнь Жи Сюань (日烜, *вьет.* Чан Нят Хюиен) – ложное «запретное» имя Чан Хоанга (陳晃, Чан Тхань-тонга, 1240–1290, прав. в 1258–1278 гг.) [15, с. 41].

<sup>21</sup> Чжоу Чжун Янь и У Дэ Шао (周仲彦, 吳德劭, *вьет.* Тю Чонг Нган и Нго Дык Тхиеу) во вьетнамской летописи не упоминаются, но об этом посольстве сообщает Ле Чак [7, с. 333].

<sup>22</sup> *Хуэйтун гуаньши* (會同館使) – начальник посольского подворья при императорском дворе для приёма представителей зависимых территорий. Халатоин (哈刺脫因 или 哈喇托音) – в транслитерации, предлагаемой вьетнамскими исследователями, Харатойон (Qaга Toyin) [14, с. 106].

<sup>23</sup> *Гунбу ланчжун* – глава управления в Палате общественных работ.

## Литература

1. *Бокцианин А.А.* Попытки татаро-монгольской агрессии в странах Юго-Восточной Азии // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
2. *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.
3. Исторические записки Дайвьета. Т. IV (рукопись, в печати).
4. История Востока в шести томах. Т. II. Восток в средние века. М., 1995.
5. История Вьетнама. М., 1983.
6. *Когобон* 校合本. Дай Юэ си ки дзенсё. 大越史記全書. 陳荊和編校 (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Сводное издание текста с разночтениями. Сост. и коммент. Чэнь Цзин-хэ). Т. 1. Токио, 1984.
7. *Ли Цзэ* 黎崱. Аньнань чжилюэ 安南志略 (Краткое описание Аннама). Пекин, 1995.
8. *Мурашьева Н.Ф.* Вьетнамо-китайские отношения в XVII–XVIII вв. М., 1973.
9. *Свиштунова Н.П.* Гибель южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
10. *Сун Лянь* 宋濂. Юань ши 元史 (История династии Юань). Т. 1–15. Пекин, 1976.
11. *Atwood C.P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol empire. N.Y., 2004.
12. *Đại Việt Sử ký toàn thư.* Cao Huy Giu dịch, Đào Duy Anh hiệu đính, chú giải và khảo chứng. (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Пер. Као Хюи Сю. Ред и коммент. Дао Сюи Аня). Т. II. Hanoi, 1971.
13. *Đào Duy Anh.* Lịch sử cổ đại Việt Nam. Т.4. Giai đoạn quá độ sang chế độ phong kiến (Дао Сюи Ань. Древняя история Вьетнама. Т. 4. Переходный этап к феодализму). Hanoi, 1957.
14. *Hà Văn Tân, Phạm Thị Tâm.* Cuộc kháng chiến chống xâm lược Nguyên Mông thế kỷ XIII (Ха Ван Тан, Нго Тху Там. Борьба с монголо-юаньской агрессией в XIII в.). Hanoi, 1975.
15. *Ngô Đức Thọ.* Chữ húy Việt Nam qua các triều đại. Les caractères interdits au Vietnam à travers l'Histoire. Publication du Centre de l'École Française d'Extrême-Orient au Vietnam. [Б.м.], 1997.